

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СИМВОЛОВ В РОМАНАХ Ч. ГУСЕЙНОВА

*Работа представлена кафедрой русской литературы
Дагестанского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ш. А. Мазанов

В статье автор пытается выявить специфику функционирования художественного символа в романах Ч. Гусейнова «Магомед, Мамед, Мамиш» и «Семейные тайны». Внимание акцентируется на символах, отражающих социально-психологическую природу произведений писателя.

The author of the article tries to expose the specificity of how artistic symbol works in Guseinov's novels. The attention is accented on the symbols reflecting socio-psychological nature of the author's works.

Одним из составляющих стиля Ч. Гусейнова являются символические образы, ис-

пользуемые им чуть ли не в каждом произведении. Определенную психологическую

нагрузку несут символы-образы в романах «Магомед, Мамед, Мамиш» и «Семейные тайны».

Мы затронем некоторые из них, которые, на наш взгляд, как нельзя лучше отражают социально-психологическую природу произведений Ч. Гусейнова.

Жанровой и стилевой доминантой романов Ч. Гусейнова является психологизм. Это и обусловило использование в произведениях писателя не деталей-подробностей, а единичных деталей-символов, способных в большей степени психологизироваться.

Интерес к нравственным истокам человеческого поведения определил приверженность писателя Ч. Гусейнова к бытовым ситуациям, в которых отчетливо просматривается морально-этическое начало. Бытовое составляет первый, но не главный план действия, скрыв за собой основной, заключенный в подтексте. Обыденное благодаря подтексту приобретает обобщенный смысл.

Символическим содержанием наполняется образ углового дома, многократно возникающий не только на страницах романа «Магомед, Мамед, Мамиш», но и «Семейные тайны», причем каждый раз он, по мнению исследователя А. В. Кеба, «обогащается дополнительным смыслом»¹.

Рассказом об угловом доме начинается повествование в романе «Магомед, Мамед, Мамиш»: «Глава первая – рассказ об угловом доме на нашей улице, который похож на старый, но еще крепкий корабль...»².

Рассказ об угловом доме становится предвестником важных трагических событий, которые произойдут с героями произведения, когда-то живших и живущих в нем.

Если в первой главе об угловом доме говорится, что он «похож на старый, но еще крепкий корабль», во второй главе говорится о будущем углового дома, который должны то ли снести, то ли реконструировать: «Али слышал о будущем этой улицы, о том, что угловой дом подлежит сносу» (с. 63).

В последней же главе дом похож «на старый, но *все еще крепкий корабль*» (курсив наш. – Э. Б.), стремительно несущийся по вспльчивому Каспию.

Обратим внимание на авторское «все еще» в последней главе и «еще» в первой главе; становится ясным, что привычная, спокойная жизнь обитателей углового дома уже нарушена: не может оставаться прежней.

Частое использование этого символа дает право предположить, что в романах он выступает связующим звеном сменяющихся событий. Он хранит память обо всем, что в нем происходило, автор намеренно отводит ему роль некоего хронометра.

Угловой дом по ходу повествования в романе «Магомед, Мамед, Мамиш», да и в романе «Семейные тайны» постепенно приобретает значение символа всего отживающего, уходящего в прошлое.

«Жили как все, и никаких тайн. И вспоминаются те далекие годы, которым нет возврата: и шумный двор, и широкая над ним застекленная галерея, куда смотрели двери и окна, а соседи (о!.. сколько их было и какие РАЗНЫЕ...). Угловой дом, которого уже нет. Снесли, а что воздвигнут – неведомо»³.

Двор с его угловым домом – это и первое символическое ощущение связи с людьми; угловой дом «как модель мира, населенного множеством народов»: здесь жили и азербайджанцы, и русские, и евреи, и армяне. И Ч. Гусейнову очень важно обратить на это наше внимание.

«Дом на углу – символ крайней обостренности противоречий, возникших между героями произведений»⁴.

В первых же строках романа «Магомед, Мамед, Мамиш» автор подчеркивает трагическое одиночество главного героя произведения Мамиша, находящегося в этом доме-корабле, «стремительно уносящемся в открытый океан», рискуя каждую минуту пойти ко дну. Как в подтверждении этому звучит реплика Мамиша на сообщение Али об отъезде на Индигарку к матери:

«Бегут, бегут, из углового дома... Некогда мощный корабль!.. И Гюльбала, и Тукезбан, и Али...». И дальше «внутренним голосом»: «С тонущего корабля?!» (с. 169)

«От психологически точных, узнаваемых деталей Ч. Гусейнова, – замечает И. Андреева, – просто удовольствие получаешь. Поэтому и достоверны гротескные конструкции писателя, что в основе их жизненно выверенные реалии»⁵.

Сам Ч. Гусейнов пишет: «Гротеск и гипербола помогают раскрыть сущность характеров и обстоятельств предельно, и эта стиливая манера не скрывает автора, а, напротив, дает ему художественный простор для “выхода” на возможно более обозримые уровни социальной действительности, которые реалистичной формой не поддаются охвату...»⁶.

Одним из гротескных образов-символов в романе «Семейные тайны» выступает ведомство под руководством Джанибека: «Ведомство не ахти какое, но все же заметная производственная единица с подразделениями и секторами, и КБ, а полностью вроде бы Камышбум (ага), и Камышмачт для парусников, и Камышматч... для прыгунов... иное при желании и Камышсвирель... или сокращенно КС» (с. 137).

Абсурдность этого комплекса значений вскрывается через описание ведомства и деятельности Джанибека.

Над чем трудятся подотделы, секторы, нужна ли кому-нибудь продукция, выпускаемая ими, никого не интересует.

Продукция, производимая этим предприятием, обозначается камышами. Обратим внимание на неоднократное повторение этого слова на страницах романа. Камыш выступает неким символическим образом накопительства, безудержной жажды денег, круговой поруки, дозволенности противозаконных действий.

В связи с этим показателен образ нулей, также выступающий как образ-символ круговой поруки. С нескрываемым сарказмом передает писатель ход мыслей Джанибека: «...держат и держаться, удержать, выдер-

жать и жать, жать. Шум в ушах, и катятся нули-колеса, снова не для записи, для себя! Да-с, руки сплелись-переплелись, все кругом повязано: дети – не дети, и женщины – не женщины, в нулях и наука, и цифры – личики румяные. Миллионы лиц» (с. 83).

Есть своеобразная бюрократическая поэзия в этих нулях-личиках, нулях-колесах, в которой «все кругом повязано».

Как памятник правлению Джанибека, на страницах романа макет значка для очередного симпозиума в виде Пирамиды Нулей: большой ноль, а внутри поменьше, и еще меньше, почти до точки.

«Ведомство Джанибека фантастически исказило реальный мир, превратило живую жизнь в абсурд, все перевернуто»⁷.

В разговоре с Расулом Джанибек требует выдачи определенного количества продукции, прикрываемой словом «камыш». Но при этом порой сам забывает и не понимает, о чем говорит. Это непонимание писатель обозначает словом «аббревиатура»: «...А разве ты не работаешь?» – «Я режу камыши». – «О чем ты?» – не понимает как будто Джанибек. – «Как о чем? О камышах!!» – Абракадабра? Абсурд? Нет, чуть раньше, в столбце словарном сразу после Абажура (!!знает?) «Аббревиатура»... (с. 79).

К произведениям Ч. Гусейнова с особым основанием применимо замечание И. Андреевой: «В романе Ч. Гусейнова, где слова рядом с героями живут своей жизнью, “аббревиатура” обозначает любую мнимость. И сколько “аббревиатур” в романе – символов бессмысленности, многозначительности и пустоты, словесной шелухи, венчающей бездеятельность»⁸.

У Ч. Гусейнова все структурно обозначено словами-образами, словами-детальями, словами-метафорами. Например, встречаем в тексте: «ПП – проза поэта», «три К – Континентальный Курултай Камышологов», «пять В – Всемирное Величание Великого Врачевателя Востока или Воспевателя, а может, Возмутителя», «ГГ – Гигант Грации» (с. 52, 138, 140).

Все эти слова и понятия в структуре романа семантизированы так, что являются множителями одного емкого слова и ведут к исходному значению, символическому знаку – «аббревиатура».

Повтор – излюбленный прием Ч. Гусейнова, повторы – это как «знаковые точки отсчета», своего рода символы. На протяжении повествования в романе «Магомед, Мамед, Мамиш» автор постоянно возвращается к образу ножа, запачканного кровью.

Мотив ножа, крови, жертвы проходит через весь роман и нарастает, наделенный достаточно внятными родством с темой смерти. Все эти образы нагружены глубоким смыслом жестокости, вседозволенности.

Мамиш все время вспоминает нож со следами крови на нем, ловкость и быстроту, с которой дядя Гейбат разделявал барашка и с которой его жена мыла этот нож по велению Хасая.

В одном из эпизодов, в котором дяди избивают Мамиша, ему вновь вспоминаются подробности с разделыванием барашка: «Мамиш почувствовал, что из носу пошла кровь... И брошен с липкой массой нож...» (с. 146).

Писатель хочет показать, с какой легкостью и быстротой делается все по велению Хасая, так же просто расправляются они с племянником Мамишем, как и с жертвенным барашком, и быстро смывают «следы крови».

«Кровавый цвет» зарезанного на пиру барашка – это цвет Хасая и его родни, приносящих в жертву все, что стоит на их пути.

Хасай приносит в жертву и слабоумного Идриса, посланного в армию вместо другого призывника: «Хасай понимал, что на первом же городском призывном пункте Идриса отпустят, но важно, что к этому времени уйдет и рапорт о плане по району; а пока можно оттянуть срок призыва того, у кого мешок с тридцатками» (с. 67).

Важную роль в романе выполняют эти сквозные образы-символы: дэли Идрис, мешок с тридцатками, хромой с палкой: «До того, как прервалась фронтальная карьер

ера Идриса, дважды высыпались на двухспальную кровать красные тридцатки...» (с. 68), или: «А хромой, что мимо окна моего проходит, стучит палкой!.. это же он! Он!..», «Ты думаешь, откуда у него столько денег? Видал хромого?!»; «Это его палка стучала по балконным доскам, когда он с “дарами” приходил к Хасаю и Хуснийэ, часто приходил» (с. 118, 135).

Эти образы как составляющие совесть семьи Бахтияровых, которым рано или поздно воздастся по заслугам.

И как символы возмездия звучат в романах образы моря и грязевого извержения.

Образ моря в романе «Магомед, Мамед, Мамиш» получает достаточно очевидную символическую нагрузку, выступая силой, которая очистит, смоет прошлое.

Море вырастает до символического звучания в эпилоге. Финальная сцена симметрично соотнесена с началом. Читая последнюю страницу, невольно обращаешься к первой: «мгновение – и корабль двинется в путь», а в эпилоге он уже «стремительно несется по вспылчивому Каспию» (с. 178). И в данном случае море в романе символизирует будущее.

Такой же заданностью обладает образ грязевого извержения в романе «Семейные тайны». Он придает произведению обобщенное символическое звучание. Часто упоминаемые в тексте ураган, землетрясение как символы грядущего очищения в смоделированном автором «чудо-городе». Очищаются, обнажаются самые важные основания общественной системы, когда «сгустки, сгустки, скопление (туч? обманов? фальши? чего??), и они, материализуясь, проникают вглубь, сквозь земную кору... дают о себе знать выбросами и толчками...» (с. 360).

«Стихийное бедствие, и вовсе не возмездие», – уточняет автор, говоря о финале и грязевом извержении, но и грязевое извержение, и забивший после него «фонтан чистой воды на Колодезной улице», и звучащие голоса умерших Ильдрыма и Расула воспринимаются как прозрачные в своей

символике решающие обозначения конца былой жизни и начала новой.

Смысловая структура символов в романах Ч. Гусейнова глубоко социальна и пси-

хологична. И символично-аллегорические детали, которыми полны произведения писателя, работают на создание эмоциональной атмосферы неприятия негативных явлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кеба А. В. Идеино-нравственная проблематика романа Ч. Гусейнова «Магомед, Мамед, Мамиш». Харьков, 1990. С. 24.

² Гусейнов Ч. Магомед, Мамед, Мамиш // Гусейнов Ч. Семейные тайны. М., 1987. С. 4. В дальнейшем ссылки на данный художественный текст даются в работе по этому изданию. Арабская цифра в скобках обозначает страницу.

³ Гусейнов Ч. Семейные тайны. М., 1991. С. 155. В дальнейшем ссылки на данный художественный текст даются в работе по этому изданию. Арабская цифра в скобках обозначает страницу.

⁴ Ферхатова И. Ф. Характер и конфликт в романах Ч. Гусейнова: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Махачкала, 1984. С. 21.

⁵ Андреева И. Аббревиатура, или Тайны карьеризма // Знамя. 1987. № 10. С. 24.

⁶ Гусейнов Ч. В постоянном движении // Дружба народов. 1980. № 5. С. 234.

⁷ Андреева И. Указ. соч. С. 223

⁸ Там же. С. 223